

На правах рукописи

Анкудинова Оксана Александровна

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЛАСТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА**

Специальность 09.00.11 – «Социальная философия»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2005

Работа выполнена на кафедре философии Факультета гуманитарного образования Кузбасского государственного технического университета

- Научный руководитель:** доктор философских наук,
профессор
Митченков Игорь Григорьевич
- Официальные оппоненты:** доктор философских наук,
профессор
Сыров Василий Николаевич
- кандидат философских наук,
доцент
Суворова Людмила Григорьевна
- Ведущая организация:** **Томский государственный
политехнический университет**

Защита состоится 20 декабря 2005 г. в 12 часов 30 минут на заседании Диссертационного совета Д 212.267.01 при Томском государственном университете, по адресу: 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36, корпус № 4, ауд. 306.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 18 ноября 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Д 212.267.01

кандидат философских наук, доцент

 О.Г. Мазаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема власти и практики властных отношений – проблема многоаспектная, представляющая интерес как для теоретиков – философов, социологов, политологов, так и для профессиональных политиков. Проблема власти, механизм её реализации наводит на нетривиальную мысль, о том, что любая социально-политическая доктрина пытается ответить на вопрос о происхождении, сущности, формах властных отношений в обществе. Кратологический дискурс позволяет в подходе к феномену власти (власть в классическом понимании – особое отношение между людьми, способность осуществлять свою волю) обозначить два вектора интерпретации – классический и неклассический. В классической традиции власть интерпретирована в терминах воли и дихотомии (“господин-раб” у Платона и Аристотеля) – здесь формулируется идея светского характера власти (что пришло на смену средневековым сакральным представлениям), отражены присущие европейскому либерализму рационалистические подходы, позднее в марксизме анализ был смещен в сторону политической власти, а М. Вебер обосновал идею легитимности господства. Что касается неклассической традиции, её дискурс характеризуется исследованием феномена власти в предельно широком философском контексте: от идей генеалогического анализа власти в философии Ницше, до «искаженных» идей на существо проблемы (М.Фуко, Р. Барта, Ж. Делёза, Ф. Гваттари). Если попытаться синтезировать аналитические искания, выполняемые в пределах неклассической традиции, их смысл и единая направленность – в выявлении форм и методов принуждения, осуществляемых помимо сознания индивидов, что определяет переход от попыток осуществить дефиницию власти к попытке систематизировать феномен власти.

Именно, в неклассической традиции исследован комплекс “власть-знание”. Структуры власти исследованы как дифференцированные образования, существующие “везде”, лишённые иерархически привилегированного Суверена. Власть здесь пронизывает силовыми полями весь социум, обнаруживая себя на микроуровне социальной жизни, существуя в модусе “самосокрытия” и одновременно, отражаясь в деятельности государственных институтов и социальных гегемониях. Власть в неклассической традиции анализируется (Р. Барт) в форме стратегий дискурса, которые образуют первичный уровень принуждения, а Ж. Делёз и Ф. Гваттари проясняют бытийные аспекты власти, вводя образы “власть ткани”, и “власть организма”. В обеих традициях, проблема власти – актуальнейшая проблема.

Отражением этой актуальности является и то, что принятая социально-политическая доктрина отводит проблеме власти и механизмам ее реализации центральное место. Не является исключением и доктрина переходного общества. При этом исследований специфики властных отношений в трансформационных обществах, все еще не достаточно. Одним из моментов трансформационного общества, который требует своего серьезного осмысления, является социальный кризис, проявляющийся в неуправляемости со-

циальной системы, в регрессии к более ранним формам ее существования. При этом, данное состояние является источником социальных новообразований со сложной структурой. Вырабатывается новая знаковая система, иная парадигма, которая стремится направить развитие в ином направлении. Результатом этого процесса является новый способ существования. Таким образом, трансформационный кризис можно рассматривать и как переход системы в новое качество, суть которого требуется адекватно понять и в полной мере исследовать. Кризис расшатывает стереотипы социального поведения. И на базе ослабленных старых норм создается новый порядок. Требуется более четко понять социальный механизм этого процесса.

Следующий момент, который требует детального изучения, связан с ослаблением нормативной основы общества, которое связывают с наличием аномии. Одной из причин аномии является кризис идентификации, когда человек не может уверенно отнести себя к определенной социальной общности. Аномия, будучи порождением трансформации, на самом деле препятствует ее осуществлению. Преодоление аномии, появление правил, присущих трансформации, обеспечивает ее более эффективное осуществление. Для исследования условий трансформации в отношении аномии необходимо выявить исследовательский инструментарий и отрефлексировать теоретические подходы. Обратим внимание еще на один момент, исследование которого является важным для понимания специфики трансформационных процессов. Трансформирующееся общество существует синхронно в соответствии с различными парадигмами: традиционными, модерными и постмодерными. Это отражается на многих аспектах жизни общества, особенно на отношениях политической элиты (власти) и масс. Перемены, которые происходят в обществе, во многом вызваны стремлением к модернизации общества со стороны элиты. Об этом можно судить по содержанию предложенных реформ в разнообразных сферах жизни различных обществ, по многочисленным публичным заявлениям, предвыборным программам. Модернизационные заявления политической и экономической элиты далеко не всегда и не во всем отвечают массовым настроениям, менталитету большей части общества. Традиционалистские компоненты менталитета остаются широко распространенными. Расхождение позиции элиты и массы сказывается в разнообразных формах: явном или неявном сопротивлении, информационных барьерах и пр. Возникают области социокультурного несоответствия элиты и значительной части общества. Например, возникает противоречие между слабостью предпосылок модернизации и запросами на результаты модернизации. Каким образом снять эти трансформационные напряжения? Это один из насущных вопросов современной социальной теории.

Таким образом, к перечню актуальных вопросов, которые требуют своего изучения, можно отнести, вопросы связанные с источником (кризисом) социальных трансформаций; с аномией, как следствием социальных трансформаций; с противоречиями между элитой (властью), как агентами социальных трансформаций и массовым обществом. По сути, речь идет о

специфики функционирования властных отношений в трансформационные периоды.

Степень разработанности проблемы.

Анализ дискурса социальных трансформаций демонстрирует смысловое разнообразие и недостаточную эксплицированность самого понятия «социальная трансформация».

Среди работ, в которых мы впервые находим подход к исследованию окружающего мира с позиций непрерывного процесса изменений, стоит отметить труды Гесиода, Гераклита, Платона, Аристотеля и представителей философии Нового времени, прежде всего, И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. В их трудах заложены основы трансформационного видения движения вообще и социальных изменений, в частности; в границах возможностей своего исторического времени сформулированы принципы и механизмы описания процесса социальной трансформации.

В следующую группу исследований можно включить те работы, предметом которых является изучение трансформационных процессов в обществе. Это труды классиков философии истории: А. Дж. Тойнби, К. Ясперса, Тейяр де Шардена, М. Блока, Дж. Коллингвуда и О. Шленглера К. Мангейма, К. Р. Поппера, Ж. П. Сартра, Э. Гуссерля, П. Рикера М. Фуко. В них введены матричные представления о параметрах исторического процесса, даны конкретные описания истории в целом и смоделированы отдельные трансформационные процессы.

Немалую лепту внесли в понимание трансформационных преобразований единого мира-системы или мира-экономики Ф. Бродель и И. Валлерстайн.

Вопрос о природе власти в трансформационный период, имеет достаточно масштабную историю, в которой привлекают внимание разноаспектные аналитические версии, отраженные в исследованиях: Т.А.Алексеевой, Л.И.Антоновой, М.Н.Афанасьева, Г.И.Ашина, Л.В.Бабаевой, Е.Я.Гаршиса, Л.А.Резниченко, А.Е.Чириковой, Д.В.Баровского, А.Ю.Шутова, В.И.Бегенина, Л.А.Беляевой, В.Березовского, С.Червякова, В.А.Подороги, П.Будьи, И.М.Бунина, В.К.Волкова, Т.Е.Ворожейкиной, М.С.Вселенского, О.А.Гаврилова, К.С.Гаджиева, Р.Галямова, О.В.Гамана, В.Гельмана, Н.Горина, А.Дуки, А.Ефимова, В.В.Журавлева, Д.Н. и И.Ю.Замятинных, Т.И.Заславской, Р.Г.Громовой, А.Г.Здравомыслова, В.Л.Цимбурского, М.В.Ильина, А.Кивинена, Д.О.Кашина, И.Клямкина, М.В.Раца, В.В.Коньшева, В.Гутника, А.А.Кристовой, О.В.Крыштановской, Е.А.Лукашевой, Н.И.Лапина, Г.И.Либмана, А.В.Варбузова, В.С.Магуна, А.Н.Медушевского, В.С.Нерсисянца, А.М.Орехова, Е.Осиповой, И.Пантина, И.К.Панчина, В.В.Радаева, Ш.В.Риверы, А.М.Салмина, М.Н.Руткевича, В.В.Согрина, Ж.Тощенко, В.Халипова.

Концептуальная рефлексия социальных изменений осуществлялась в работах Н. Луманна, У. Бек, I. Horowitz, И. Кравченко, Г. Тард, П. Бурдые, Дж. Голдторп, А. Smith, А. Панарина, В. Кемерова, М. Вебера, W. Kornhauser, Р. Миллс, Г. Ашина, М. Young, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Мальцева,

I. Bibo, A. Турен, G. Mosca, В. Парето, R. Arow, D. Reisman, A. Stewart, M. Чешкова, S. Sassen, D. Julius, J. Mittelman, A. Богатурова, Ю. Игрицкого, M. Waters, A. Giddens, R. Robertson, Г. Попмозер, К. Мушакодзи, В. Максименко, А. Турен, Б. Коммонер, В. Оффалс. Данные работы можно рассматривать как основополагающие в социологическом дискурсе транзитивных процессов.

Аналитический дискурс идеологии как ключевого фактора социальных трансформаций сформировался на основе работ: У. Матца, А. de Trasy, G. Degerando, П. Кабанис, П. Бурдые, К. Маркса, М. Вебера, К. Манхейма, А. Шиллса, D. Bell, G. Lodge, M. Seliger, L. Feuer, H. Drucker, R. Lane, W. Mullinas, J. Thompson, L. Baradat, Ю. Волкова, Ф. Фукуямы, М. Барга, К. Гаджиева, К. Леви-Стросса, Н. Lasswell, А. Kaplan, Н. Петровиченко, В. Копалова.

Теория агентов социальных трансформаций (в большей мере, изменений на основе социальных инноваций) возникла благодаря работам: М. Вебера, Э. Дюркгейма, А. Де Токвиля, А. Турена, W. Kornhauser, Н. Гукасова, А. Панарина В. Радаева, У. Бек, К. Феофанова, А. Глухова, И. Кравченко, Г. Тарда, Г. Ашина, D. Bell, M. Djilias, D. Reisman, R. Aron, В. Парето, Р. Миллс, G. Mosca, П. Бурдые, О. Шкаратана.

Особенность гносеологической ситуации, однако, в том, что действительно, в поименованных источниках предметом исследования явился широчайший спектр проблем, в контексте которых исследуется *та или иная сторона* феномена власти в транзитивном обществе, но работ обобщающего характера практически нет, и в научном сообществе ощущается дефицит относительно работ имеющих подобный характер. Диссертационное исследование откликается на эту потребность. Данная работа представляет собой, пожалуй, одну из немногих, анализирующих проблемы властных отношений в транзитивном дискурсе.

Проблема исследования:

Источники власти и ее легитимации в период масштабных и стремительных социальных изменений по-прежнему мало изучены. Данная ситуация требует перевода задачи осмысления специфики и характера властных отношений в транзитивных обществах в ранг проблемы.

Цель и задачи исследования. Экспликация специфики властных отношений, взятых в контексте социальных трансформаций.

Мы полагаем, что в наибольшей мере и степени логику сформированной выше проблемы отражают поставленные в работе задачи, касающиеся:

- исследования транзитологических подходов на предмет их использования как оснований анализа трансформационных обществ;
- исследования особенностей легитимации власти в переходный период;
- исследования социальных трансформационных напряжений как источника социальных изменений;

- исследования возможностей стабилизации трансформационных обществ.

Методологической основой исследования являются используемые нами методы и подходы. Среди последних доминирующую роль играет системный подход, в рамках которого использованы элементы системно-структурного и структурно-функционального методов. Эвристический потенциал системной методологии дополнен в работе возможностями логико-исторического и сравнительного анализа. Кроме того, использованы методы философской рефлексии, интерпритационного анализа, концептуального моделирования. Поскольку в исследовании рассматривается круг вопросов, формирующиеся на стыке социальной и политической философии в качестве эффективного инструмента для решения этих вопросов применяется междисциплинарный подход, а также потенциал компаративного анализа.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Разработан критерий типизации моделей социальных трансформаций. Таковым является оппозиция «вменённость - востребованность» изменений. Выявлены следующие типы моделей: идеолого-телеологическая; идеолого-генетическая; прагматико-генетическая; прагматико-телеологическая.
2. Установлено, что источником социальных трансформаций являются социокультурные трансформационные напряжения - нарастающая проблематизация традиционных ценностей и норм, прежде всего в элитных и контрэлитных группах.
3. Утверждается, что существенной тенденцией властных отношений в любых трансформационных моделях общества, является их «шаткая» легитимность, поскольку в трансформационных обществах, в отличие от обществ стабильных, власть характеризуется более, чем одним типом легитимности, *вынуждено* сочетая рациональные (правовые) и иррациональные (мифически ориентированные и идеологические) типы легитимации.
4. Сформирован релевантный тезаурус, описывающий процессы легитимации власти в трансформационный период: рациональный схематизм легитимации; иррациональный схематизм легитимации; недолегитимность; псевдолегитимность и другие. Этот язык позволяет глубже понять формы, методы и способы легитимации власти в трансформационные эпохи, а с другой стороны, позволяет выстраивать стратегии социальных исследований власти и властных отношений.
5. Показано, что существенная роль в стабилизации общества, принадлежит ценностно-нормативным консенсусам, устанавливаемым посредством идеологий. Эксплицированы и содержательно описаны каналы, уровни и схема идеологической индоктринации. Схематично понимаемый нами процесс индокиринации/формирования (трансформации) ценностей и норм можно описать следующим образом: меритократические элиты - доверие и влияние – процедура установления ценностно-нормативных консенсусов (идеологические конструкты) – разрешение трансформационных кризисов.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в следующем:

- полученные в исследовании выводы способствуют углублению и конкретизации понимания специфики трансформационного общества как социального феномена, углублению и конкретизации таких фундаментальных категорий социальной философии и политической формы как «власть» и «легитимность»;
- выводы, полученные в исследовании, могут являться теоретико-методологической основой в решении практических задач, возникающих в обществе в переходный период;
- положения диссертационного исследования могут найти применение в чтении базового курса, спецкурсов по проблемам власти, а также в процессе подготовки учебных пособий по социальной философии, политической философии, теории властных отношений, социальных коммуникаций.

Апробация материалов исследования. Основные положения, теоретические выводы и рекомендации практического значения нашли отражение в публикациях автора, в докладах и сообщениях на различных научно-практических конференциях: 7-ой междунар. конференции «Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология, опыт эмпирических исследований». Екатеринбург, 2004. II межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальной философии». Томск, 2004.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается научная новизна, выявляется теоретическая и практическая значимость результатов.

В первой главе «Стратегии модернизации в дискурсе социальных трансформаций» анализируется концепт социальных трансформаций в социально-философском, социологическом и политологическом дискурсе.

В **первом параграфе** «Теоретические модели социальных трансформаций». Отмечается, что понятие «социальная трансформация» довольно широко применяется в аналитической литературе. При этом, оно совершенно по-разному трактуется практически всеми, кто когда-либо серьезно занимался изучением общественных изменений. В результате, при том, что «теория социальных трансформаций» достаточно фундирована обширным эмпирическим материалом, само понимание процессов «социальных трансформаций» неконвенционально, что создает теоретическую путаницу и трудности дискурсивной идентификации.

Предпринятый в параграфе историографический обзор социально-философского, социологического и политологического дискурсов дали основания автору для следующих выводов:

Во-первых, достаточно большое количество исследований, в которых с определенных сторон дается описание трансформационных процессов, свидетельствует как о наличии определенного разброса в методологических подходах и технологиях описания процесса социальной трансформации, так и о необходимости системного анализа и определения интегративных тенденций развития дальнейшего исследования.

Во-вторых, определяющими принципами традиционной методологии описания социальных процессов до сих пор являются линейность прогрессивного развития, структурно-функциональный анализ и приверженность одномерности описания социальных систем. Даже введение в методологический аппарат принципов цикличности и волновых характеристик кривой развития не повлияли на определение системы отсчета как одного из объектов в культурологическом, цивилизационном или формационном категориальном ряду.

В-третьих, практически все доктринальные подходы к описанию трансформационных процессов в своей основе содержали не рефлексивные подходы, а идеологические предпочтения, востребованные политической практикой противостоящих друг другу социально-экономических систем.

Таким образом, требуется уточнение теоретических подходов и методологического инструментария для корректного (адекватного) анализа социальных трансформационных процессов.

Во втором параграфе «Методологические основания анализа социальных трансформаций», задается эвристическая модель исследования социального транзита. Автор полагает изначально необходимым снизить теоретическую неопределенность, зачастую намеренную, позволяющую сохранить нерасчлененный образ всеобъемлющих перемен. Подход, призванный решить подобную задачу, дает возможность противопоставить трансформацию таким методологически позиционированным понятиям, как «революция», «реформы», «преобразования» и т. п., и открывает дорогу предметной структуризации.

Отмечается, что в центре внимания большинства работ, посвященных социальной трансформации, находится ее институциональный срез, а основной акцент в них сделан на функционирование (в том числе дисфункции) формализованных институтов.

Институциональный срез трансформационных процессов безусловно плодотворен и практически исчерпывает проблему в случае соответствия норм социального института преобладающим в обществе механизмам социального действия. Однако проблематичность самого соответствия, к сожалению, не очевидна большинству наших российских, да и западных коллег, априорно исходящих из его наличия.

Это означает, что *при исследовании нашего предмета - интенсивной социальной трансформации* - вряд ли можно ограничить себя исследованием функционирования только формальных институтов. Важны обе взаимосвязанные стороны преобразований:

- институциональные, предполагающие намеренное, целенаправленное изменение *номинальных установлений* (формальные нормы, процедуры, правила), отражающихся на функционировании социальных институтов;
- процессуальные, вызываемые сменой моделей социально-экономической и политической *деятельности* людей.

При таком понимании задача трансформационного анализа - выявить, в какой мере и в каких формах изменение моделей социального действия влияет на характер функционирования социальных институтов

Такой подход требует включить процессы социальной адаптации, ее модели и ресурсы в анализ трансформационных процессов. Адаптирующиеся социальные субъекты выступают в роли социальных критиков институтов, выявляя их дисфункции, а следовательно, и необходимость соответствующих изменений. Тем самым в фокус нашего рассмотрения попадают взаимно стимулирующие изменения, с одной стороны, моделей социального действия, с другой - социальных институтов. В нашем случае, институт власти.

К числу трансформационных моделей мы относим такие трансформации социальных практик, как: революции, реформы, реорганизации.

Таким образом, предмет трансформационного исследования - взаимодействие относительно быстрых изменений формальных и неформальных установлений, призванных регулировать функционирование социальных институтов, с одной стороны, с изменениями в доминирующих в обществе моделях социально-экономического и политического действия - с другой.

Это позволяет усматривать в трансформатологии специализированное направление исследований в рамках общей теории функционирования социальных систем. Трансформационные исследования обладают важной особенностью, обусловленной самим их предметом. Изменения социального контекста институциональных преобразований, столь важные для нашего обсуждения, делают проблематичным использование теоретической схемы, предназначенной объяснить функционирование прежней социальной системы.

Таким образом, изучение транзитологических процессов, подразумевает:

- изучение трансформаций институтов, их динамику, способы легитимации и функционирования;
- изучение трансформации институциональных акторов (личностей, наполняющих личностным содержанием функционирование социальных институтов);
- изучение трансформации ценностных стандартов, влияющих на идеологические ориентации акторов и институтов.

В параграфе также определяется тезаурус и прописывается логическая схема исследования.

Вторая глава – «Трансформационные проблемы и траектории власти».
Если проделанный в первой главе анализ был сфокусирован на процессуаль-

ном измерении транзитивных процессов, то во второй главе фокус исследования смещается в сторону субъектных аспектов: речь идет об акторах социальных изменений или субъект-контекстуальных отношениях в рамках трансформационных процессов.

В первом параграфе «Политический класс» как агент социальных трансформаций», автором анализируются особенности легитимации власти в переходный период. Вопрос о легитимности режима политической власти и сохранения стабильности является важнейшим в транзитивный период. И именно в условиях, когда легитимность власти проявляла себя в качестве важнейшего для проведения реформ фактора, легитимность (в сравнении с ситуацией социальной стабильности) проявляет ряд особенностей. Мы полагаем, что в переходный период легитимность политического режима основана на более чем одном типе авторитета. Появляются новые практики. В обществе, вставшем на путь трансформационных преобразований, возникает подвижное взаимодействие рациональности и иррациональности («смешанная легитимность» в интерпретации М. Вебера).

Важной в концептуальном обосновании исследования выступает та идея, что особенностью транзитивной легитимности власти, является ее «недолегитимность», или «псевдолегитимность». Аргументируя подобный вывод, автор анализируя властные отношения в трансформационных обществах, выделяет два основных типа легитимации власти: рациональный (политико-правовой); иррациональный (мифо-идеологический). Отмечается, что для демократических обществ характерен первый вариант легитимации власти, для авторитарных и тоталитарных - второй. Трансформационные же общества, здесь мы согласны с М. Вебером, характеризуются более чем одним типом легитимности. В них сочетается причудливая смесь правовых (рациональных), мифически ориентированных и идеологических (иррациональных) типов легитимации. Данная типизация содержательно исследована.

При этом в качестве подлинной легитимности мы полагаем только «нормативное согласие» и «идеальное нормативное согласие». В этих вариантах в полном смысле осуществлена «диффузия поддержки» (Д. Хелд) существующей власти. В переходных состояниях, как отмечено в параграфе, типичным становится смешение вариантов и продуцирование псевдолегитимных типов. Отмечено, что за наличие легитимности нельзя принимать отсутствие бунта, либо отсутствие государственного насилия – это псевдолегитимность, обеспечиваемая апатией или привычкой подчиняться любой власти, воспринимаемой на индивидуальном уровне как власть непопулярная. Не имея ничего общего со стабильным, такое общество потенциально содержит возможность переворота.

Таким образом, существенной тенденцией властных отношений в транзитологическом контексте, является их «шаткая» легитимность. Сами институты легитимации власти, функционируют таким образом, что целенаправленно порождают «псевдолегитимность». Мы связываем этот феномен с отсутствием правового государства и несформированностью (или распадом) гражданского общества в трансформационных социальных практиках.

Методологически, анализ состояния легитимности, целесообразно, с нашей точки зрения, сводить к анализу состояния институтов легитимации (право, миф, идеология).

Если вышепроведенный анализ, был сосредоточен на вопросе «кто» является агентом социальных трансформаций, то далее исследуется вопрос «как» функционирует социальный механизм трансформаций.

Второй параграф «Индоктринация трансформаций: уровни, каналы и схема». Известно много волюнтаристских построений, постулирующих, что агент трансформационных преобразований (авторитетный вождь, харизматический лидер и т. п.) обладает почти безграничными возможностями. Такие конструкции были особенно характерны для эпохи Просвещения: культурный герой - реформатор, просвещенный монарх - сметает все преграды на своем пути, мифологизируя или романтизируя процесс трансформации. Акцент в них сделан на процессуальные характеристики, прежде всего на социальные средства институциональных преобразований и на инструменты, поддерживающие функционирование социальных институтов

Другие теории сфокусированы на соответствии социальных интенций вводимым институциональным новшествам. Так, марксистский исторический материализм рассматривает проблему с точки зрения роли личности в истории. В рамках этой теории роль личности - субъекта трансформации, существенно ограничена интересами влиятельных слоев и групп населения, прежде всего правящего класса. Во многом сходной позиции придерживается современная теория элит, которая утверждает, что «элиты могут лишь то, что им позволяют делать внеэлитные группы».

В этом смысле соотношение контекстуальных и субъектных диспозиций (реакция общества на воздействие субъекта трансформационных перемен) может быть представлено как системообразующее. **Наша гипотеза** - а мы придерживаемся современной теории элит - состоит в том, что соотношение контекстуальных и субъектных диспозиций - ключевая характеристика трансформационных процессов, предопределяющая как процессуальные, так и результирующие их параметры.

Эта многомерная диспозиция может быть трансформирована в линейную и введена в виде оппозиции «вмененный - востребованный». В последние годы проблему imposed development широко обсуждают в связи с использованием «навязанных» моделей развития разными, прежде всего развивающимися, странами и полученными результатами. Но понятие «навязанный» предполагает, по-видимому слишком сильную модальность и представляет собой частный случай более общей категории - «вмененной» модели развития. К тому же категория «вменение» больше соответствует методологической позиции настоящего исследования. «Вменение» может служить корректной оппозицией «востребованное», вытекающей из контекстуальной обусловленности трансформации.

Исторические прецеденты «вмененной» модели трансформации – это и формирование системы институтов США, сложившейся в ходе дискуссий отцов-основателей на заседаниях Континентального конгресса, и реформы

Петра Великого. В ряду «востребованных» трансформаций можно, например, назвать «Славную революцию», которая возвела Вильгельма III Оранского на британский престол, и великие александровские реформы. В этом смысле к «востребованным» реформам следует отнести и Перестройку. Аналогичным образом нараставшие экономические трудности и кризис политики Михаила Горбачева предопределили востребованность экономических реформ начала 1992 года. Анализируя оппозицию «вменение - востребованность», крайне важно прояснить причины, определяющие выбор трансформационной модели. Отмечается, что данный выбор связан с исходной оценкой потенциальным субъектом трансформации макросоциального контекста институциональных преобразований. Часто социальное состояние рассматривают по отношению к некоей норме (культурной, цивилизационной и т. п.). Не случайно само понятие «трансформация», подразумевает содержание «модернизация» (осовременивание), которое несет в себе отпечаток такой нормативной установки. При отсутствии подобной установки вряд ли имеет смысл его использовать. «Модернизация» - это специфический случай трансформационных процессов, субъекты которых исходят из нормативных культурных и институциональных образцов в качестве трансформационных ориентиров.

Огромное несоответствие этой нормы реальному состоянию общества, его ожиданиям подталкивало к выводу: такое общество не заслуживает, чтобы потенциальный лидер, трансформационный субъект, считался с его ожиданиями, с его готовностью к переменам. Примерами могут служить не только цивилизаторская стратегия европейских колониальных властей в Азии и Африке, но и сходные по подходу реформы Петра I. И в реформаторских устремлениях эпохи Просвещения, мы ясно прослеживаем установку «вменения» пассивному обществу институциональных установлений, основанных на теоретических постулатах. Недаром главным субъектом трансформации, по представлениям просветителей, был просвещенный абсолютный монарх, который только и мог воплотить в жизнь благодетельные преобразования, сломив сопротивление косного общества.

Напротив, «востребованность» вырастает из представлений об обществе как достойном партнере трансформационного субъекта, заслуживающем диалога с ним.

Таким образом, если в случае «вмененной» модели общество априорно трактуют как косное и пассивное, то принцип «востребованности» предполагает наличие в нем элементов, готовых воспринять институциональные изменения. В силу этого макросоциальный контекст различен в зависимости от того, какая из моделей осознания реальности с присущим ей механизмом макросоциального регулирования доминирует. «Востребованность» предполагает ситуацию, когда значительные слои и группы общества проблематизируют свое социальное положение и готовы оценивать предлагаемые преобразования с точки зрения их соответствия своим интересам или, по меньшей мере, сформированным (зачастую мифологизированным или идеологически обработанным) ожиданиям.

Чтобы субъект трансформации мог с уверенностью отрицать право общества на социальный диалог, он должен ощущать себя выведенным за границы этого общества, за пределы соответствующего макросоциального, социокультурного контекста. Такая ситуация возможна, если он опирается на следующие источники авторитета:

- сакрализованную историческую традицию;
- религиозные нормы;
- нормы и ценности секуляризованной тоталитарной идеологии;
- заветы или актуальные указания харизматического лидера.

Религиозно-идеологическому обоснованию исходных трансформационных ориентации противостоит прагматическое - прагматический анализ функционирования институциональной среды, ее социального контекста. Речь идет, конечно, об идеальном типе, а не о реальной жизни, в которой мотивы трансформационных субъектов разнородны и противоречивы.

Другой критерий различения трансформационных моделей - установки субъекта трансформации, которые могут быть телеологическими или генетическими. Если общество только косный, пассивный объект преобразований, то, значит, главная задача - в выборе соответствующей модели и средств претворения ее в жизнь. Если же общество - это партнер (пусть даже младший, не имеющий большого веса при выборе модели реформ), то гораздо важнее становятся проблемы социального генезиса, поддержания и развития реально существующих жизнеспособных институтов.

Таким образом, налицо две оси различения трансформационных моделей:

ось «вменение - востребованность», то есть телеологическая позиция *versus* генетической;

ось «идеология - прагматика», то есть выбор модели обоснован либо идеологически, либо прагматически.

Соответственно, мыслимы четыре трансформационные парадигмы:

- **идеолого-телеологическая;**
- **идеолого-генетическая;**
- **прагматико-генетическая;**
- **прагматико-телеологическая.**

Предлагаемая классификация отражает существенные отличия в характере и последствиях трансформационных преобразований, позициях трансформационных субъектов, диспозициях потенциального взаимодействия между институтами и макросоциальным контекстом.

Важно то, что агентами трансформационных преобразований во всех парадигмах, выступают специальные социальные акторы - носители трансформационных идей.

Таким образом, оформляется два вопроса: кто есть социальные акторы, способные обеспечить инновационные внедрения и каков механизм инноваций (трансформационных внедрений).

Мы склонны рассматривать процесс модернизации общества как систему индоктринирования социальных стандартов, как конституирование политического *modus vivendi* общества. Индоктринируются ценностные форматы, а именно: социальные нормы, ценности, социально-политические идеалы. Эти компоненты сводятся в систематизированные идеологические комплексы – программы, доктрины, манифесты.

Идеологии являются безличными структурными влияниями, которые предполагают наличие медиаторов – осознанных стратегий контроля, имеющих явных субъектов. В нашем случае, сознательный идеогенез персонифицирован с агентами идеологической индоктринации – инновационными элитами. Элиту мы определяем как группу реально действующую в системе общего духовного производства, и призванную придать специфическим социальным интересам и целям ранг глобального общественного проекта.

В работе определяется статус инновационных элит/агентов идеогенеза. Многочисленные подходы к пониманию элит условно разделены на две основные группы – властные и меритократические. К первой группе отнесены исследования, в которых под элитой понимаются социальные слои, обладающие высшими властными позициями (А. Этциони) или высшей формальной властью в организациях и институтах (Т. Дай). В другую группу мы относим подходы к элите как к харизматическим личностям (М. Вебер), «богдохновенным», способным к лидерству (Л. Фройнд), представителям творческого меньшинства (А. Тойнби).

Социология констатирует, что в современных обществах, определенные группы, сосредоточившие в своих руках значительную власть, либо вообще не обладают престижем, либо престиж их весьма низок, и потому они не способны задавать образцы социального поведения. Это верно как в отношении экономической власти (упомянем лишь о весьма невысоком престиже нуворишей), так и власти политической; в самые разные периоды истории современных государств, политиков неизменно рассматривают как людей, ищущих личной выгоды. Не в последнюю очередь это верно и в отношении «духовной» власти. В связи с этим открывается особая роль меритократических элит, чей социальный статус содержательно исследован в параграфе.

Механизм влияния инновационных элит на массовое сознание (каналы влияния), рассматриваются в работе как управление информацией и информационными потребностями, посредством системы политических технологий (СПТ). СПТ предполагают, во-первых, целевые подсистемы – крупномасштабные общекультурные «задания», или проекты, которые противопоставляются дискредитированному историческому прошлому. Во-вторых, – мобилизационные подсистемы, способные подчинить разрозненные общественные силы одному проекту.

Далее, в параграфе проанализированы уровни и схема идеологической диффузии. Исследуется проблема социального уровня инновационных внедрений.

Согласно структурно-функциональному подходу, разработанному Н. Луманом, нами рассматривается механизм социальной интеграции не посредством общих ценностей, а посредством ценностной генерализации и символически-интегрирующей функции ценностных норм. Отмечается, что влияние общих ценностных установок («генеральных идей») в современном обществе нивелировано, они слишком «размыты» и, вместе с тем, чрезмерно конкретны для сложного взаимозависимого и высокодифференцированного общества. Ценностно-нормативный консенсус высшего порядка (охватывающий общество в целом) больше не является возможным вследствие этой дифференцированности; автоматически возрастает важность и необходимость различных форм консенсусов на локальных уровнях, преимущественно в системах взаимодействия («организациях»). В организациях консенсусы неизбежно формируются в группах непосредственного взаимодействия, и могут распространяться на подсистемы межгруппового взаимодействия. Консенсусы непрерывно возникают и распадаются. Коммуницируя по поводу общих предметных областей, консенсусы автономизируются и, благодаря взаимопроникновению, осуществляют взаимное изменение и изменение более широких социальных систем, являющихся для них средой. В процессах постоянных интегративно-деинтеграционных изменений задействованы важнейшие коммуникативные средства социальных систем, такие как печать, радио, электронные и компьютерные сети и т.п. Комплексность взаимодействия редуцируется благодаря использованию кодов символически генерализованных средств коммуникации и системно-средового кода, обобщенно обозначенного, как «доверие/недоверие» (идеология).

Схематично понимаемый нами процесс индокиризации/формирования (трансформации) ценностей и норм можно описать следующим образом: меритократические элиты - доверие и влияние – процедура установления ценностно-нормативных консенсусов (идеологические конструкции) – разрешение кризисов.

Учитывая выводы о специфике современной социальной коммуникативности, автор констатирует следующее: решения трансформационных кризисов не могут быть найдены до тех пор, пока не будут гарантированы «эндогенные» основы социальной стабильности. Из этого следует, что реализация основных задач по модернизации общественного сознания в период трансформаций, ложится на «эндогенные», локальные (местные) элиты.

Третий параграф «Социокультурные трансформационные напряжения». В данном разделе работы проясняются ключевые факторы, определяющие движение процесса социально-политических трансформаций, его магистральные траектории. Повышенного внимания в этом контексте заслуживают социокультурные трансформационные напряжения.

Автор указывает, что формирование большинства из них связано с конкретным социально-историческим и социокультурным характером общества, которое подвержено трансформационным изменениям.

Важной предпосылкой трансформационных преобразований является нарастающая проблематизация традиционных (*дотрансформационных*) цен-

ностей и норм, прежде всего в элитных или контрэлитных группах: разрыв между *религиозно-идеологическими предписаниями и реальной жизнью*. Появление социокультурных трансформационных напряжений, в данном случае, обусловлено тем, что снижение регулятивной роли дотрансформационных ценностей и норм, и соответствующее усиление роли инновационных установок, редко проходят согласованно, с сохранением достигнутого уровня социальной интеграции и макросоциального регулирования. Даже в тех случаях, когда процесс смены механизмов социального регулирования идет сверху вниз, «послойно», в течение очень длительного времени, захватывая сначала элитные группы, а затем все более широкие внеэлитные слои, как это было в России, неизбежен длительный период ослабления всех макросоциальных регулятивных механизмов. Общество (в лице субъектов, способных на социальную рефлексию) определяет подобную ситуацию в терминах религиозного, морального или социально-политического кризиса (кризиса власти). История Древнего Рима дает немало примеров страстных обличений «утраты республиканских доблестей», «морального упадка Рима» и т. д.

Автор отмечает, что теоретически существуют принципиально различные модели, призванные снять такого рода напряжения:

- идеократизация - приведение социально-экономической практики в соответствие с требованиями той или иной идеологической (религиозной, квазирелигиозной) доктрины;
- этико-институциональный компромисс - адаптация идеологической доктрины (в явном или неявном виде) к господствующим стереотипам хозяйственной жизни и одновременное исключение из социально-экономической практики тех ее элементов, которые вступают в неустранимое противоречие с доктринальными принципами морали;
- этическая сегментация - ситуация, когда религиозная жизнь и социально-экономическая практика реализуются на качественно разных нравственно-этических основаниях;
- доктринальная корректировка - изменение некоторых кардинальных установок идеологической или религиозной доктрины с целью нравственно-этически обосновать функционирование реальных социально-экономических механизмов.

Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» описал процесс идеократизации - более или менее последовательного приведения семейной и хозяйственной жизни в соответствие с требованиями протестантской этики¹. Другой яркий пример - это попытка Савонаролы утвердить во Флоренции нормы бедности и нестяжательства. В наше время наглядным пособием идеократизации могут служить исламская революция в Иране и «культурная революция» в Китае, в которых религиозно-этическая доктрина в первом случае и коммунистическая «религия» во втором выполняли одну и ту же функцию.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1993.

Конкретное содержание социокультурного трансформационного напряжения и выбор модели его разрешения, по существу, определяют тенденции социальной интеграции общества и задают ориентиры структуре его мотивационных установок, социальной динамике.

Роль *социальных институтов в разрешении трансформационного напряжения* составляет вторую - вслед за разрывом между религиозно-идеологическими предписаниями и реальной жизнью - крупную трансформационную проблему. Разведение этих двух проблем трансформации правомерно аналитически, но в конкретно-историческом процессе они сливаются в общий трансформационный кризис. От того, какая из проблем преобладает в осознании причин общего трансформационного кризиса, зависят и пути его решения. Более того, это важный признак соответствующих цивилизационных устремлений. Характер решения каждой из двух проблем, их соотношение в общем трансформационном процессе как бы задают его макросоциальную магистраль. В этом смысле конкретные институциональные формы, складывающиеся в ходе трансформационных преобразований, вторичны по отношению к характеру тех макросоциальных проблем, для решения которых их используют. При таком подходе возникает иллюзия широкой свободы вводить и закреплять институциональные новации. Очевидно, что преодоление трансформационного напряжения на пути религиозного подъема и идеократизации трудно совместить с развитием социальных институтов, основанных на рациональном индивидуальном выборе. От этого зависит и то, какой социально-психологический тип личности начинает преобладать в ходе трансформации.

Третья крупная трансформационная проблема, задающая ориентиры формирования институциональной среды, - *институциональное позиционирование этой среды по отношению к имеющемуся макросоциальному контексту*.

С одной стороны, макросоциальный контекст, как было отмечено выше, задает рамки для институциональной среды. Институциональные формы, макросоциальное содержание которых в большой мере противоречит сложившемуся контексту, мало жизнеспособны. Исторический отбор работает на установление соответствия между характером институциональной среды и свойствами макросоциального контекста.

С другой стороны, уровень осознания трансформационных проблем, достигнутый в обществе, прежде всего в его элитных группах, может способствовать формированию субъектной позиции, благоприятствующей сохранению или, напротив, смягчению трансформационного напряжения. Источник последнего - в рассогласовании между макросоциальным контекстом, его требованиями к институциональной среде и ее реальным характером.

Варианты соответствующих диспозиций могут быть представлены в виде макросоциальных концепций, характеризующих роль социальных институтов с точки зрения тех или иных представлений о социоантропологиче-

ской природе Человека. **Консерватизм** - социальные институты, прежде всего государство и закон, необходимы для обуздания неустрашимых негативных сторон природы Человека. **Либерализм** - социальные институты, и особенно государство, препятствуют проявлению изначально позитивных природных начал Человека. **Социализм** - социальные институты, в первую очередь государство, призваны преобразовать исходно негативные природные свойства Человека в позитивные путем его воспитания и принуждения.

Эти три концептуальные установки позволяют прояснить потенциальные различия в подходе к трансформационному процессу во взглядах на его сущность, на роль и возможности социальных институтов снимать социокультурные трансформационные напряжения.

Следующая по уровню и значимости трансформационная проблема связана с *характером адаптации населения к сложившейся институциональной среде*. Адаптация являет собой макросоциальный механизм, обеспечивающий оценку населением возможностей и условий решения его насущных проблем, которые ему предоставляет наличная институциональная среда.

Важный итог адаптационных процессов - выстраивание социальной диспозиции слоев и групп населения, различающихся своим отношением к характеру трансформационного процесса. Это во многом и определяет меру социальной поддержки проводимых преобразований.

Автор выделяет два параметра влияния, оказываемого адаптацией на ход трансформационных процессов: «органический» и «социо-культурный шок».

В этом контексте характер адаптационных процессов выступает индикатором масштаба и глубины трансформационных изменений. Ясно, что такие глубокие перемены, как *цивилизационный сдвиг* и *революция*, продукты социокультурного и институционального шоков. Очевидно, что последний просто невозможен без предшествующего подрыва и проблематизации базовых социальных ценностей. Напротив, *эволюция* связана с длительной некризисной адаптацией, в ходе которой разворачивается диалог институциональной среды с социокультурным контекстом. *Реформе же* и *реорганизации* соответствует первый, то есть «органический», уровень воздействия адаптации на трансформационные процессы.

В третьей главе «Специфика российской модели трансформации», сквозь призму изложенного теоретического схематизма, были рассмотрены российские трансформационные процессы в их исторической ретроспективе.

В первом параграфе «Интеллигенция как агент социальных трансформаций» отмечено, что специфика российской модели трансформации тесно связана с устойчивостью идеолого-телеологической парадигмы. Эта проблема все еще актуальна, несмотря на то, что общество выработало довольно прочный иммунитет к идеологическим мобилизациям самой разной направленности.

Со времен раскола развитие России шло по пути телеологической реализации идеологически сформированных проектов: «Третий Рим», «евро-

пейзаж» России Петром I, Елизаветой, Павлом I, Екатериной Великой, «строительство социализма» как в его ленинско-сталинской, так и перестроечной версиях. К этому же типу развития можно отнести и постперестроечные реформы 90-х годов, предназначенные внедрить в нашей стране институциональные нормы политической демократии и рыночной экономики.

Идеологическая парадигма внедрялась в общество российской интеллигенцией - социальной силой, которая брала на себя задачу продуцирования теоретических и моральных точек отсчета для трансформации общества.

Таким образом, устойчивость идеолого-телеологической трансформационной парадигмы в российском обществе в очень большой степени обусловлена высоким социальным статусом идеологии, подкрепленным влиянием российской интеллигенции - агента и проводника идеальных (в отличие от прагматических) устремлений. Смене трансформационной парадигмы препятствует также институциональная организация политической и хозяйственной жизни, обесценивающая реальные достижения, но вознаграждающая смелые идейно выдержанные проекты и снижающая позитивную роль социальной адаптации.

Во втором параграфе «Характер трансформационных ориентаций», задается футуристический горизонт социальных трансформаций российского социума. Автор полагает, что в том, по какому из альтернативных путей пойдет дальнейшее развитие, существенную роль могут сыграть этические нормы. В принципе источником таких норм могли бы быть новые российские интеллектуалы, способные профессионально решать реальные проблемы и утверждать корпоративные ценности, а не идеологические догмы. К сожалению, этот вариант сегодня маловероятен. Первое поколение тех, кого массовое сознание ассоциировало с новыми интеллектуалами, непоправимо себя дискредитировало именно «хождением во власть». Есть потребность в новом поколении интеллектуалов, в легитимации культурной традиции, предписывающей их активное участие во власти. Это непросто, поскольку требует социальной интеграции российских интеллектуалов, специальной программы диалога, призванного создать базовую этику этого нового, пока только еще формирующегося социального слоя, появления норм этической оценки действий власти и вместе с тем норм собственной самооценки интеллектуалов.

Такой результат довольно далеко удален от ожиданий классической социальной теории.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы в дальнейшей разработке темы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Анкудинова О.А. Проблемы политической власти и построения гражданского общества в пореформенной России //Актуальные проблемы социо-гуманитарного знания. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2003. – (360). С. 353-355.

2. Анкудинова О.А. Перспективы постсоветского развития, Российская многопартийность и проблемы власти // Сборник трудов II межрегиональной научно-практической конференции. «Актуальные проблемы социальной философии». Томск, 2004. С 51-52.

3. Анкудинова О.А. Феномен авторитаризма в переходный период: миф или реальность //Сборник трудов II межрегиональной научно-практической конференции. «Актуальные проблемы социальной философии». Томск, 2004. С. 110-111.

4. Митченков И.Г., Анкудинова О.А. Идеологии как фактор преодоления аномии. Структурно-функциональный подход Николаса Лумана // Актуальные проблемы социо-гуманитарного знания. – Кемерово: Изд-во КузГТУ 2004. (320с). С. 215-225.

5. Анкудинова О.А. Легитимность режима политической власти как фактор сохранения стабильности в транзитивном социуме //Вестник Кузбасского государственного технического университета, № 6, 2004. Кемерово. С. 70-74.

6. Анкудинова О.А. Природа легитимности власти в дискурсе переходного типа социальности //Известия Томского политехнического университета, Том 308, №1, 2005. С. 120-123.